

Зевксидам ответил человеку, спросившему его, почему лакедемоняне не излагают письменно своих предписаний относительно доблести и не дают их в таком виде читать молодежи: "Потому, что они хотят приучить ее к делам, а не к словам". Сравните их юношу пятнадцати или шестнадцати лет с одним из наших латинистов-школьников, который затратил столько же времени только на то, чтобы научиться как следует говорить. Свет слишком болтлив; я не встречал еще человека, который говорил бы не больше, а меньше, чем полагается; во всяком случае, половина нашей жизни уходит на разговоры. Четыре или пять лет нас учат правильно понимать слова и строить из них фразы; еще столько же – объединять фразы в небольшие рассуждения из четырех или даже пяти частей; и последние пять, если не больше – уменью ловко сочетать и переплетать эти рассуждения между собой. Оставим это занятие тем, кто сделал его своим ремеслом.

Направляясь как-то в Орлеан, я встретил на равнине около Клери двух школьных учителей, шедших в Бордо на расстоянии примерно пятидесяти шагов один позади другого. Еще дальше, за ними, я увидел военный отряд во главе с офицером, который оказался не кто иной, как граф де Ларошфуко, ныне покойный. Один из сопровождавших меня людей спросил первого из учителей, кто этот дворянин. Тот, не заметив шедших подальше солдат и думая, что с ним говорят о его товарище, презабавно ответил: "Он вовсе не дворянин; это – грамматик, а что до меня, то я – логик". Но поскольку мы стараемся воспитать не логика или грамматика, а дворянина, предоставим им располагать своим временем столь нелепо, как им будет угодно; а нас ждут другие дела. Итак, лишь бы наш питомец научился как следует делам; слова же придут сами собой, – а если не захотят прийти, то он притащит их силой. Мне приходилось слышать, как некоторые уверяют, будто голова их полна всяких прекрасных мыслей, да только выразить их они не умеют: во всем, мол, виновато отсутствие у них красноречия. Но это – пустые отговорки! На мой взгляд, дело обстоит так. В головах у этих людей носятся какие-то бесформенные образы и обрывки мыслей, которые они не в состоянии привести в порядок и уяснить себе, а стало быть, и передать другим: они еще не научились понимать самих себя. И хотя они лепечут что-то как будто бы уже готовое родиться, вы ясно видите, что это скорее похоже на зачатие, чем на роды, и что они только подбираются издали к смутно мелькающей перед ними мысли. Я лично полагаю, – и в этом я могу опереться на Сократа, – что тот, у кого в голове сложилось о чем-либо живое и ясное представление, сумеет передать его на любом, хотя бы на бергамском наречии, а если он немой, то с помощью мимики:

*Verbaque praevisam rem non invita sequentur.*⁷¹

Как выразился – хотя и прозой, но весьма поэтически – Сенека: *cum res apimum occurrere verba ambiunt.*⁷² Или, как говорил другой древний автор: *Ipsae res verba rapiunt.*⁷³ Не беда, если мой питомец никогда не слышал о творительном падеже, о сослагательном наклонении и о существительном и вообще из грамматики знает не больше, чем его лакей или уличная торговка селедками. Да ведь этот самый лакей и эта торговка, лишь дай им волю, наговорят вам с три короба и сделают при этом не больше ошибок против правил своего родного языка, чем первейший магистр наук во Франции. Пусть наш ученик не знает риторики, пусть не умеет в предисловии снискать благоволение доверчивого читателя, но ему и не нужно знать всех этих вещей. Ведь, говоря по правде, все эти роскошные украшения легко затмеваются светом, излучаемым простой и бесхитростной истиной. Эти завитушки могут увлечь только невежд, неспособных вкусить от чего-либо более основательного и жесткого, как это отчетливо показано Апром у Тацита. Послы самосцев явились к Клеомену, царю Спарты, приговорив прекрасную и пространную речь, которою хотели склонить его к войне с тираном Поликратом. Дав им возможность высказаться, Клеомен ответил: "Что касается зачина и вступления вашей речи, то я их забыл, равно как и середину ее; ну а что касается заключения, то я несогласен". Вот, как мне представляется, прекрасный ответ, оставивший этих говорунгов с носом.

А что вы скажете о следующем примере? Афинянам надлежало сделать выбор между двумя строителями, предлагавшими свои услуги для какого-то крупного сооружения. Один, более хитроумный, выступил с великолепной, заранее обдуманной речью о том, каким следует быть этому

⁷¹ 1 Когда суть дела обдумана заранее, слова приходят сами собой (лат.). – Гораций.

⁷² 2 Когда суть дела заполняет душу, слова сопутствуют ей (лат.). Сенека.

⁷³ 3 Дела влекут за собой слова (лат.). – Цицерон.